

ТАВО ДАРЮ. Другой конец, на котором написано КАВО ЛЮБЛЮ, — уже готов. Подряд получится: КАВО ЛЮБЛЮ — ТАВО ДАРЮ».

Николай Васильевич пишет в своей книге про маму, как она самолично провела в семействе великую реформу: купила дюжину жестяных эмалированных тарелок и однажды за обедом налила каждому отдельную порцию супа. До этого у них ели по-дедовски, из общей посуды, причём полагалось сперва всем черпать жидкое варево и только тогда, когда отец стучал своей ложкой по краю чашки, разрешалось «таскать с мясом».

За бытом и языком нашего времени я наблюдала в Курье. Посёлок Курья находится в черте города, его называют дачным: там горожане снимают на лето либо комнату, либо мезонин, либо веранду. Стремятся в Курью потому, что дома в посёлке стоят среди сосен. Под окнами — калина, рябина, георгины, астры, флоксы. Ранней весной — пионы. Улицы называются линиями: Первая линия, Вторая линия, Третья... Счёт ведётся от Камы. Одно лето мы жили на Первой линии. Сидишь на веранде, кофеёк попиваешь, а мимо тебя катера небольшие плывут, огромные баржи, противоположный берег весь в огнях, а в ясные тёплые вечера — всё небо в звёздах. Хорошо!..

Здесь экологически чистая земля: стрекозы крупные летают, бабочки, много птиц. Дрозды стаей налетают — сначала на иргу, позже — на рябину. И ничто не спасает ягоду от пернатых разбойников — ни цветные шуршащие ленты (тогда дерево нарядное стоит, походит на ёлку), ни полиэтиленовые полоски, что громко шумят на ветру. Птицы не боятся ничего, налетают и склёвывают ягодную сладость, если хозяева не успели вовремя собрать её.

К сожалению, это место я открыла для себя поздно. Люди годами снимают дачи в Курье у одних и тех же домовладельцев, сроднились уже с ними. Решив снять комнату на лето в посёлке, я ездила в Курью в марте, загодя, чтобы найти подходящую... Выходишь из автобуса — и тебя сразу оглушает тишина. Снег чистый, высокий, скрипит под

ногами. Если кто-то идёт по тропинке вдалеке, то одну голову только и видно из-за сугробов. Люди здесь редко выходят из дома, на стук не реагируют. Может, бояться?.. В наше тревожное время не смеют выйти даже за калитку. Молодые на работе, в домах остались лишь бабушки...

Летом самый многолюдный пятачок в Курье — магазин рядом с автобусной остановкой. Внешний вид людей, ожидающих, когда привезут хлеб, жутковат: спившиеся старухи и старики, многие из них почему-то либо с палками, либо на костылях. Однажды я подслушала такой диалог:

— Никто сегодня не сгорел?

— А кто?

— Нет, я спрашиваю, ночью-то сегодня кто?

— Где?

— Ночью-то никто не сгорел?

— Да вроде не слышать...

— Хлеб-то привезут?

— Жду вот...

— Эта-то дура-то городская (показывает на женщину, идущую по другой улице) идёт мимо и даже не здоровается. Думает, деньги заплатила — и здороваться не надо...

Рядом со стариками две девицы лет пятнадцати-шестнадцати щебечут о своём:

— Твой-то пачками небось стрижёт (это она о заработке).

— Так, помаленьку...

— Верка-то ишо не напилась. Смотри, стоит и ждёт, кто подаст...

Однако среди старожилов Курья встречаются и люди, владеющие потрепанными библиотеками. У Виктора Афанасьевича Зверева (в его доме мы как-то жили) книги, например, были везде: на полках, на стеллажах, в буфете. Двадцать томов «Брокгауза и Ефрона»; «Вестник императорского русского общества садоводства» за 1896 год (цена — три рубля в год. У нас сейчас (1994) коробок спичек — 200 руб.); «Австралия. Иллюстрированный географический сборник» (1903); Библия с иллюстрациями Доре; полное собрание сочинений Гауптмана (1904); «Кобзарь» Шевченко, с портретом — резцовая гравюра, печаталась по стали В. А. Брокгауза в Лейпциге (1884);

«Русский Вестник», том 258 (1898); Гегель; Лессинг; Гессе (!); роман Цвейга «О. Бальзак»; И. Бунин; Л. Толстой; А. Чехов; «История северных европейских народов»... Я называю лишь единичные вещи. Это была не просто большая, но целенаправленно собранная библиотека. И круг интересов невероятно широк!

Виктор Афанасьевич не носит родную фамилию — Черемных. Маленьким ребёнком его отдали на воспитание Зверевым, в чужой семье он и вырос. Судьба ему выпала непростая. Зинаида Васильевна, его жена, до замужества Князева, жила до тринадцати лет в Китае. Туда уехали её родители. Не то слово «уехали». Умчались, спасаясь от красных и белых. Спаслись и долго жили в Харбине. Решили однажды вернуться в Россию, родина приняла беглецов неласково, соотечественники относились к ним с подозрением... Зинаида Васильевна после восьми классов не могла поступить даже в училище. От неё требовали всевозможные справки, документы, какие-то доказательства...

Народный юмор эту советскую буржуазную волокиту закрепил в песнях и частушках. Всего текста не помню, но одно выразительное четверостишие приведу. Поётся протяжно:

Где родилась, где жила,

Где училась, где была...

Справка где, девица ль я...

Пока справки собирала,

Жених уже состарился...

И, надо заметить, с тех пор мало что изменилось. Недавно к нам в галерею приходила за экспертизой, в сущности, за той же справкой, уезжающая за рубеж женщина. Она хотела увезти с собой этюд, когда-то подаренный ей самодеятельным художником. Для этого ей необходимо было предъявить на российской таможне удостоверение, что эта работа не имеет музейного значения. Наши посмотрели на рисунок, заулыбались... Женщина всё поняла и говорит:

— Это что. Я вот кошку с собой увожу, привыкла к ней, выбросить не могу. Тоже справку брала. Справка гласит: «Данная кошка не нужна России для селекции». ☐